

она буквально трепетала от сознания, что она находится в доме Льва Толстого и говорит с ним. Это было совершенно безотчетное чувство, которое овладевало многими, приближавшимися к Толстому (даже такими людьми, как Андреев, Чеховъ). И именно вследствие этой растерянности, именно вследствие стремления скрыть свой трепет, приезжая дама, вовсе не глупая и не пустая, безостановочно несла всякую чепуху, — вероятно, сама не понимая того, что лепечут ее губы: да, только бы не молчать! Но это «только бы» внушено было, кажется, совсем другими мотивами, чем думал Лев Николаевич, никогда не понимавший того «страха», который он невольно наводил на людей, видевших его впервые. Вернее, и мотивов-то никаких не было, а Лев Николаевич упрекал даму за «мотивы».

Помню, мне очень жаль было бедную женщину и жаль того, что Лев Николаевич так сурово о ней отозвался.

Неумение или неспособность взять верный тон в общении с Львом Николаевичем часто отражались на письмах его корреспондентов. Некоторые из них начинали с того, что в самых вычурных и высокопарных выражениях воскуривали фимиам Толстому, как великому писателю и человеку, и этим сразу отталкивали его.

Между тем, по-моему, этот как будто фальшивый с виду, приподнятый тон на самом деле далеко не во всех случаях мог быть истолковываем, как неискренний и притворный. Просто, идя к Толстому, люди не знали, с какой ноги ступить...

Я отлично по себе понимал такого рода затруднения. Когда мне в том же году, временно расста-